

КАНЦЛЕР

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ
АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ

КЭТИ МАРТОН

БИОГРАФ ПЕРВЫХ ЛИЦ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Клуб легендарных женщин. Они изменили ход истории

Кэти Мартон

**Канцлер. История
жизни Ангелы Меркель**

«ЭКСМО»

2021

УДК 929 (32)
ББК 84(4Гем)-44

Мартон К.

Канцлер. История жизни Ангелы Меркель / К. Мартон —
«Эксмо», 2021 — (Клуб легендарных женщин. Они изменили ход истории)

ISBN 978-5-04-173593-7

Самый влиятельный политик Европы. «Математик власти». Женщина с исключительной решительностью. Ангела Меркель. В попытках заглянуть за занавес личной жизни железной фрау обозреватели порой прибегали к совершенно нелогичным выводам. Но именно эта книга, написанная известным биографом Кэти Мартон, без преувеличений расскажет о полной испытаний жизни лидера свободного мира. Миграционный кризис в Германии, конфликт на Украине, руководство страной во время пандемии, финансовый кризис еврозоны — на все эти события вы сможете взглянуть глазами Меркель. А еще узнаете, как, не обладая ни даром красноречия, ни эффектной внешностью, сохранять власть на протяжении 16 лет и постоянно усиливать свои позиции. Как, несмотря на регулярную критику СМИ и Запада, вытащить Германию из мирового экономического кризиса без колоссальных потерь для страны. Как умело смешивать стили управления, чередуя маскулинную жесткость и женскую мягкость, чтобы побеждать в переговорах. Как навсегда остаться в сердцах миллионов граждан Германии, будучи для них чужестранкой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929 (32)
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-173593-7

© Мартон К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
1. Против течения	15
2. Самостоятельная жизнь в Лейпциге	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кэти Мартон

Канцлер. История жизни Ангелы Меркель

*Моей дочери, Элизабет Дженнингс, а также Илоне Фитцпатрик
Дженнингс и нашим потомкам*

*Все, что кажется высеченным в камне или неизменным,
действительно может измениться. Верно то, что в больших и малых
вопросах каждое изменение начинается в уме.
Ангела Меркель*

Kati Marton
THE CHANCELLOR

Copyright © 2021 by Kati Marton

© Сайфуллина А.Д., перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Дочь пастора

Она приезжает в тишине. Ни сирен, ни сигнальных огней, ни толп помощников. Ничего не возвещает о том, что Ангела Меркель прибыла в кирпичную потсдамскую церквушку неподалёку от Берлина. Меркель нарочно шагает слегка сторбившись. Везде мерцают вспышки смартфонов, а она – женщина, которая так ненавидит объективы камер, – миролюбиво улыбается. Улыбается своему народу. Церквушка, которую посетила Меркель, располагается рядом со столицей, однако её посетители ни капли не похожи на представителей высшего общества, с которыми Меркель общается большую часть рабочего времени. Её отец был пастором в почти такой же обычной приходской церкви. А молитвенный дом, в который Меркель заглянула сегодняшним сырым осенним вечером, стал для неё неким убежищем. В нём она может хотя бы ненадолго скрыться от беспокойства, которым пронизан её четвёртый, и последний, срок. Все реже и реже ей удаётся посещать родные бранденбургские земли. Всё реже и реже появляется возможность пройтись по близлежащим лесам. Когда спасаешь целый мир, отдыхать некогда.

Сегодня, в Оберлинской церкви, которую посещают те, кого можно считать семьёй, шестидесятитрёхлетняя канцлер Федеративной Республики Германия ненадолго позволяет себе расслабиться. Она одета как на работу: пиджак темно-изумрудного цвета, чёрные брюки и такого же цвета туфли. Меркель твёрдым шагом приближается к алтарю и усаживается на расположенный подле него стул с прямой спинкой. Пальцы её рук едва соприкасаются – сегодня этот молитвенный жест знаком немцам настолько хорошо, что существует даже соответствующий эмодзи¹. «В детстве я слышала звон церковных колоколов каждое утро и каждый вечер, в шесть. Тоскую по тем временам», – обращается она к притихшим прихожанам, которые благодарны канцлеру, чрезвычайно сильно пекущемуся о неприкосновенности своей частной жизни, за эти редкие визиты. Всего на мгновение улыбка канцлера – искренняя, несвойственная политикам – стирает глубокие морщины, которыми испещрено её лицо. В последние годы жизнь первой канцлерин² Германии преисполнена общественных и политических волнений. Меркель, ставшую жертвой растущей волны всемирного популизма, яростно критикуют ультраправые, впервые со времён Второй мировой войны вошедшие в состав бундестага Германии.

«Когда я впервые пришла в школу, – продолжает Меркель, приоткрывая завесу тайны над тем, насколько непросто жилось дочери пастора в обители атеистов – Восточной Германии, – нам велели по очереди встать и сказать, кем работают наши родители». Она вспомнила, как одноклассники посоветовали ей: «Скажи: водителем». С точки зрения пролетария, работать водителем было престижнее, чем пастором, а в немецком «водитель» и «пастор» ещё и звучат похоже: *Fahrer* и *Pfarrer*.

«Мой отец – пастор», – упрямо ответила тогда Меркель.

Ей не нужно объяснять прихожанам, насколько опасной была подобная откровенность в Восточной Германии. Даже дети боялись привлекать внимание «всевидающего ока». Штази³ вмешивалось в жизнь простых людей намного активнее и агрессивнее своего предшественника, – гестапо. В состав гестапо входило всего 7 тысяч человек, а в Министерство государ-

---

¹ Эмодзи – язык идеограмм и смайликов, используемый в электронных сообщениях и на веб-страницах, а также сами пиктограммы. Этот графический язык, где вместо слов используются сочетания картинок, появился в Японии и распространился по всему миру. – *Прим. ред.*

² Канцлерин (нем. *Kanzlerin*) – немецкое название должности «канцлер» в женском роде. – *Прим. ред.*

³ Министерство государственной безопасности ГДР, неофициальное сокр. «Штази» (нем. *Stasi*) – тайная полиция, контрразведывательный и разведывательный государственный орган Германской Демократической Республики. – *Прим. ред.*

ственной безопасности ГДР – 173 тысячи сотрудников, в том числе осведомителей. Доносами занимался каждый 64-й человек. «Конечно, детство сильно повлияло на мою дальнейшую жизнь», – говорит Меркель, тем самым, возможно, непреднамеренно подсказывая, кто она на самом деле, как именно в течение полутора десятка лет – подумав только – удерживала власть и почему до сих пор осталась загадкой и для родной страны, и уж тем более для остального мира.

Пастор Маттиас Фихтмюллер возвращает Меркель в настоящее – спрашивает, читает ли канцлер книги, которые о ней пишут. «Да, вот только они вообще не про меня!» – смеётся канцлер. Прихожане смеются вместе с ней. «Я прилагаю всевозможные усилия к тому, чтобы сохранять деловые отношения с общественностью и не распространяться об определённых сторонах своей жизни», – говорит она. Меркель чётко даёт понять: о том, что не касается её служебного положения, остальным знать ни к чему. Подобная скрытность священна для любого в окружении канцлера. Поэтому никогда не было ни утечек, ни разоблачающих мемуаров от тех, кому Меркель успела довериться за шестнадцать лет на посту канцлера. Исключительно преданные помощники отчаянно защищали личную жизнь женщины, которой большинство из них служило полтора десятка лет. «Ребята, вы все ещё здесь?» – 44-й президент США Барак Обама был поражён, увидев, что команда Меркель во время поездки в Берлин в 2016 году практически не изменилась с тех пор, как он вступил в должность в 2008.

Даже спустя несколько десятилетий немцев не утомил ни её образ, ни голос, ни забота, поскольку забота эта была ненавязчива. Несмотря на то, что о личной жизни канцлера немцам почти ничего неизвестно (разве только то, что она живёт жизнью, не слишком отличающейся от жизни простого народа), её трижды переизбирали – всегда с заметным перевесом. Изредка её можно увидеть красиво одетой на Байрёйтском фестивале в Баварии, однако с такой же вероятностью – встретить в магазине продуктов. Она извлекла урок из жизни своих предшественников, таких как Гельмут Коль, который выставлял напоказ свою супругу и отпрысков, заставляя изображать безупречную немецкую семью, пока жена не покончила с собой, а сыновья не отдалились, и герой холодной войны Вилли Брандт, который, как оказалось впоследствии, страдал депрессией и был помешан на сексе.

Порой желание Меркель сохранять свою жизнь неприкосновенной доходит до паранойи. Она не ведёт никаких дневников, не пользуется электронной почтой и лишь по необходимости пишет совсем короткие сообщения. Если кто-то из помощников раскроет даже самую безобидную подробность её жизни – общению конец. Одному политическому союзнику Меркель так и не удалось добиться былого доверия после того, как он отправил электронное письмо длиной в четыре слова: «Спасибо за предложение, А. М.»

В попытках разгадать тайну жизни столь скрытной личности обозреватели порой прибегали к совершенно нелепым выводам. Взять хотя бы то самое заключение, которое сделала именитая немецкая еженедельная газета «Цайт»: «Вот Меркель общается на ZDF [государственный немецкий телеканал] с несколькими людьми и вращает пальцами верхнюю пуговицу своего пиджака. Не двигает её вперёд-назад, а ритмично вращает по кругу. Когда канцлер волнуется, то играет указательным пальцем с большим. А круговые движения, наоборот, говорят о молчаливом спокойствии». Во время пресс-конференций в зарубежных столицах «степень её неприязни по отношению к собеседнику очевидна по тому, насколько часто она смотрит на стопку бумаг перед ним».

Некоторые наблюдения бывают даже похожи на правду: например, очевидно, какие чувства Меркель испытывала, когда вскинула голову и широко распахнутыми глазами уставилась на президента Дональда Трампа во время первой их встречи. Такая реакция поступила на слова: «У нас по меньшей мере есть кое-что общее. Предыдущая администрация [Обамы], вероятно, прослушивала нас обоих». Ещё очевидно, что скрывалось за тем, как Меркель эпично закатила глаза на пресс-конференции, когда её спросили, «доверяет» ли она такой

яркой личности, как итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони. И понятно, о чем говорил её потеплевший, даже сияющий от переживаний взгляд, когда в 2016 году она прощалась с президентом Обамой.

Насколько бы сильно избирателей ни привлекала в Меркель изумительная собранность, именно она вынуждает журналистов разбирать каждое её движение, каждое проявление чувств. Они понимают – чтобы разобраться в современном мире, *необходимо* разобраться в личности Ангелы Меркель. В годы, когда в политике и обществе всё было отнюдь не спокойно, никто на международной арене не защищал демократический порядок, установившийся после Второй мировой войны, так же яростно, как Ангела Меркель, которая не испугалась давления ни Востока, ни Запада. Она превратила Германию в истинное сердце Европы – не только в экономическом, но и в нравственном смысле – и с распростёртыми объятиями приняла на родных землях миллион ближневосточных беженцев.

Как трижды «чужая» (уроженка Восточной Германии, учёная, женщина в стране, в которой ни разу не правила королева) смогла этого достичь? Как политик с высказываниями столь же бесхитростными, как её внешность, сумела добиться такого влияния и завоевать сердца граждан на столь долгий срок в век, когда людям всё сложнее сосредоточиться на чём-то одном? Конечно, отчасти её успех объясняется умом и трудолюбием. Стране, в которой старики до сих пор помнят шествия с факелами и толпы людей, в унисон прославляющих разглагольствующего Гитлера, прямолинейность Меркель только на руку. Когда глава Всемирной торговой организации Паскаль Лами однажды попросил Меркель говорить «чуть поэтичнее», та резко ответила: «Я не поэт». Благодаря спокойному, вдумчивому подходу, освоенному в годы изучения физики, она продумывала жизнь государства на годы вперёд. «Я всегда начинаю с конца – с того, к чему желаю прийти. А потом постепенно выстраиваю план к началу. Важно не то, о чём завтра напишут в газетах, а то, чего мы добьёмся через два года», – однажды сказала Меркель. Ещё она никогда не пыталась никого оклеветать или очернить – и не попадалась на чужую наживку. «Она не играет по правилам большинства политиков. Она прекрасно понимает, когда ей лгут», – отмечал бывший президент Германии Йоахим Гаук. Ангела Меркель в основном не обращала внимания на выдумки оппонентов и всегда упрямо настаивала на своём.

Чтобы достичь больших успехов и при этом удержаться на вершине власти, Ангеле Меркель пришлось проявить отвагу и решимость, однако делала она это неприметно.

Во многих щекотливых обстоятельствах Меркель преуспевала благодаря тому, что работала *тихо*, не привлекая к себе внимания. Тот факт, что она пришла к власти в правоцентристском, христианском, культурно-консервативном и в основном мужском Христианско-демократическом союзе (ХДС) Германии, будучи разведённой протестанткой с Востока, проживающей со своим возлюбленным, как ничто другое доказывает, насколько хорошо Ангела Меркель умеет скрываться от чужих глаз. Ненавязчивый подход позволил ей превратить Германию в намного более либеральную страну. Когда в 2009 году Гидо Вестервелле стал первым открытым геем – министром иностранных дел Германии, Меркель во всеуслышание заявила о том, насколько её тронула история любви Вестервелле и его супруга. Однако при этом она не стала открыто поддерживать однополые браки. Когда восемь лет спустя в Германии всё-таки устроили голосование по вопросу однополых браков, Меркель посоветовала представителям своей консервативной партии прислушаться к совести, даже если это будет противоречить партийной линии. Так, без речей и заявлений, канцлер добилась того, что в Германии разрешили однополые браки.

Такую же неочевидную стратегию Меркель использовала, чтобы предоставить женщинам больше возможностей. Когда председатель ультраправой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) заметил, что вокруг Меркель собрались женщины, он проворчал: «В ХДС что, вообще мужчин не осталось?» Тогда близкая советница канцлера Ева Кристиансен шепнула

начальнице: «Мы победили!» Меркель же просто улыбнулась своей загадочной улыбкой. Канцлер на собственном примере показывала, сколько всего глава страны может делать *молча*, не кичась достижениями.

Отчасти Меркель достигла политического успеха благодаря умению быстро распознавать хорошие идеи. «Она воплотила в жизнь программы соперничающих партий по электроснабжению, охране детства, брачному равноправию и защите прав женщин», – сказал Михаэль Науман, бывший министр культуры от Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Этот навык также служит хорошим способом нейтрализации потенциальных противников. «Ангела умело определяет, недопонимание между какими сторонами способно в будущем разрастись в настоящий конфликт, – сказал Гаук, до сих пор привлекательный в свои восемьдесят и до жути похожий на ныне покойного американского актёра Джеймса Гарнера. – Именно поэтому соперничающие партии боятся вступать с ней в коалицию». Однако даже пугающее умение заранее пресекать конфликты не мешало Меркель шестнадцать лет формировать с соперниками коалиции, необходимые для того, чтобы ХДС оставался у власти, и порой для этого приходилось прикладывать немало усилий.

Ещё один ключ к политическому долголетию Меркель кроется в её неуёмной любознательности. Ей больше шестидесяти, а она по-прежнему обожает всё новое и интересное. Её до сих пор вдохновляют люди, факты, истории, проблемы и споры. Но что ещё, помимо жажды знаний, *движет* Ангелой Меркель? Её наставник, Гельмут Коль, как-то сказал: «Macht, macht, macht» (*Сила, сила, сила*). Меркель училась у сильных и властных, и Коль, который с 1982 по 1998 годы был канцлером Германии, оказался одним из множества мужчин-политиков, расплатившихся карьерой за то, что он недооценил женщину, которую некогда называл своей «медхен» (девочкой). Меркель почти не на кого было равняться (разве только на российскую императрицу Екатерину Великую, которая правила ещё в XVIII веке, да на французскую учёную Марию Кюри), почти не на кого было положиться, а потому она была вынуждена сама изобретать способы, которые позволили бы ей преуспеть на политическом поприще. «Укрепление авторитета – это то, чему вы должны научиться как женщина. Без власти вы не сможете многого добиться», – сказала однажды Меркель. Вот только она имела в виду власть особого толка.

Исходя из многих высказываний Меркель, главной слабостью мужчин она считает высокомерие. Женщинам у власти тем временем некогда заниматься самолюбованием. Однако порой как раз из-за скромности Меркель упускала возможность наладить более сердечные отношения с тем или иным человеком. В 2009 году, стоя рядом с премьер-министром Польши Дональдом Туском, канцлер обратилась с речью к большой группе людей в Гамбурге, ни разу не упомянув, что сама родилась в этом городе, а её отец – в Польше. Большинство политиков не упустило бы возможности снискать сочувствие аудитории. В последние годы пребывания Меркель на посту канцлера её инстинкт обезличивания своего лидерства оборачивался против неё, поскольку на мировой арене всё чаще и чаще появлялись харизматичные лидеры.

Не сказать, что Ангеле Меркель недостаёт эгоизма. Если бы это было так, она бы вовсе не пошла в политику. Когда её однажды спросили, чей пример её вдохновляет, она ответила: «Чаще всего – мой собственный». Она изменила представление о том, как должна выглядеть, звучать и действовать женщина, которая находится у власти. И всё равно, чем внимательнее изучаешь личность Ангелы Меркель, тем более загадочной она кажется. Она – влиятельнейшая женщина на международной арене. И она же сомневается, может ли называть себя феминисткой. Будучи крайне успешной политической деятельницей, она предпочитает общество музыкантов, певцов, актёров и писателей. Окружённая словоохотливыми властителями, она предпочитает молчать.

Она в действительности не такая, какой себя считает. Она отнюдь не такая сдержанная и серьёзная, какой зачастую себя преподносит. По её собственным словам, в плену «желез-

ного занавеса», будучи ещё юной, она мечтала «увидеть североамериканские Скалистые горы и отправиться в путешествие на автомобиле под музыку Брюса Спрингстина». «С ней до безумия весело», – сказал однажды Филип Мёрфи, бывший посол США в Германии и нынешний губернатор штата Нью-Джерси. Даже спустя десятилетия на международной арене Меркель не растеряла того, что свойственно обычному человеку. Генеральный консул Германии в Нью-Йорке Дэвид Гилл, сам выходец из Восточной Германии, объясняет это так: «Если бы ваша жизнь, совсем как её, началась по ту сторону стены, которая казалась нерушимой, вы бы ни за что не оправились. Все вокруг забудут, откуда Ангела Меркель родом, а она будет помнить».

Всю свою жизнь Меркель преуспевала благодаря едва ли не фотографической памяти, научной способности разбивать любые задачи на составляющие и неисчерпаемому трудолюбию. Добавьте к этому то, что она мало спит (не более пяти часов в сутки) и обладает крепким здоровьем. Меркель поздно научилась ходить и в детстве часто падала и ломала себе кости. Однако теперь ей больше шестидесяти, а она, благодаря одной лишь силе воли, может гулять шесть часов кряду. Перечисленные качества (как врождённые, так и приобретённые) позволяют Меркель сохранять непоколебимую уверенность, которая зачастую лишает самообладания её коллег – глав государств. Та же уверенность позволяла ей долгие годы удерживаться в должности канцлера.

Поговорив с пастором, Ангела Меркель кружит по церквушке и ненавязчиво беседует с прихожанами и официантами. Роль последних выполняют такие же прихожане, у некоторых из них – синдром Дауна или другая особенность здоровья. Канцлер, выросшая в окружении людей с ограниченными возможностями здоровья, составлявшими значительную часть паствы её отца, выглядит совершенно спокойной и с радостью пробует канапе, которые предлагают ей официанты. На жизненный путь Ангелы Меркель и, если уж на то пошло, на саму её личность значительно повлияло именно то, что происходило с ней в прошлом. Выжить в полицейском государстве, которым была Восточная Германия, и не сломаться – само по себе достижение. В прошлом и кроется тайна стойкости Ангелы Меркель как на личном, так и на политическом поприще. Именно в первой половине жизни Меркель лишилась всякого простодушия. Она не верит в то, что время само расставляет всё по местам. Она считает иначе: если не сидеть сложа руки, обязательно можно изменить жизнь к лучшему. Однако при этом она не забывает, что человек не всесилен. В свой последний год в должности канцлера она то и дело упоминала цивилизации, которые исчезли, потому что не в силах были сберечь свободу и безопасность, доставшиеся предкам с огромным трудом. Во время одного из выступлений она говорила о падении империи инков, а в недавней речи затронула Аугсбургский религиозный мир⁴, который был заключён в 1555 году и ознаменовал пору затишья между кровавыми религиозными войнами XVI–XVII веков. После подписания этого мирного договора в Германии какое-то время царил мир, однако следующее поколение, которое не знало тягот войны, развязало новое разрушительное противостояние, приведшее к гибели трети населения Германии.

С момента окончания Второй мировой войны прошло более семидесяти пяти лет, однако Германию до сих пор терзает вопрос: способна ли страна, которая создала Освенцим и устроила самый последовательный, методичный и безжалостный геноцид в истории, однажды стать «обычной»? Ангела Меркель наверняка ответила бы на этот вопрос положительно, однако с оговоркой: *да, но* только если Германия не забудет о том, как прежде стала автором мрачайших страниц мировой истории. Сама Ангела Меркель делала всё возможное, чтобы Германия

⁴ Аугсбургский религиозный мир – соглашение, заключённое 25 сентября 1555 года в Аугсбурге между лютеранами и католиками Священной Римской империи и королём Фердинандом I. Условия договора обеспечили восстановление политического единства и стабильности в Германии на протяжении второй половины XVI века. – *Прим. ред.*

этого не забыла. Будучи дочерью пастора, она верит: тайна спасения души кроется в ежедневном молчаливом упорстве.

Такая ипостась – больше человеческая, нежели политическая – помогает понять, как так вышло, что эта дочь пастора, эта «чужая» стала самой влиятельной женщиной в мире. В своей книге я полагалась на искренние и зачастую подробные интервью, которые Ангела Меркель давала начиная с 1990 года: именно тогда тридцатипятилетняя учёная-физик начала свой политический путь, приведший к тому, что в 2005 году она стала первой канцлерин Германии. Упомянутые интервью (некоторые из которых до сих пор не публиковались на английском) я дополнила многочисленными личными разговорами с её наставниками, друзьями и коллегами. Именно на этих разговорах зиждется львиная доля повествования. Со мной согласились поговорить даже некоторые представители круга приближённых канцлера, ухитрившись обойти отчаянные меры, предпринимаемые Меркель, пытающейся уберечь свою личную жизнь от чужих глаз. Согласились эти представители только при условии, что я не буду напрямую называть их имена. С 2001 года я несколько раз виделась с Ангелой Меркель лично. Официальных интервью с канцлером я не проводила, однако встречи с ней всё равно позволили мне намного лучше узнать и понять её.

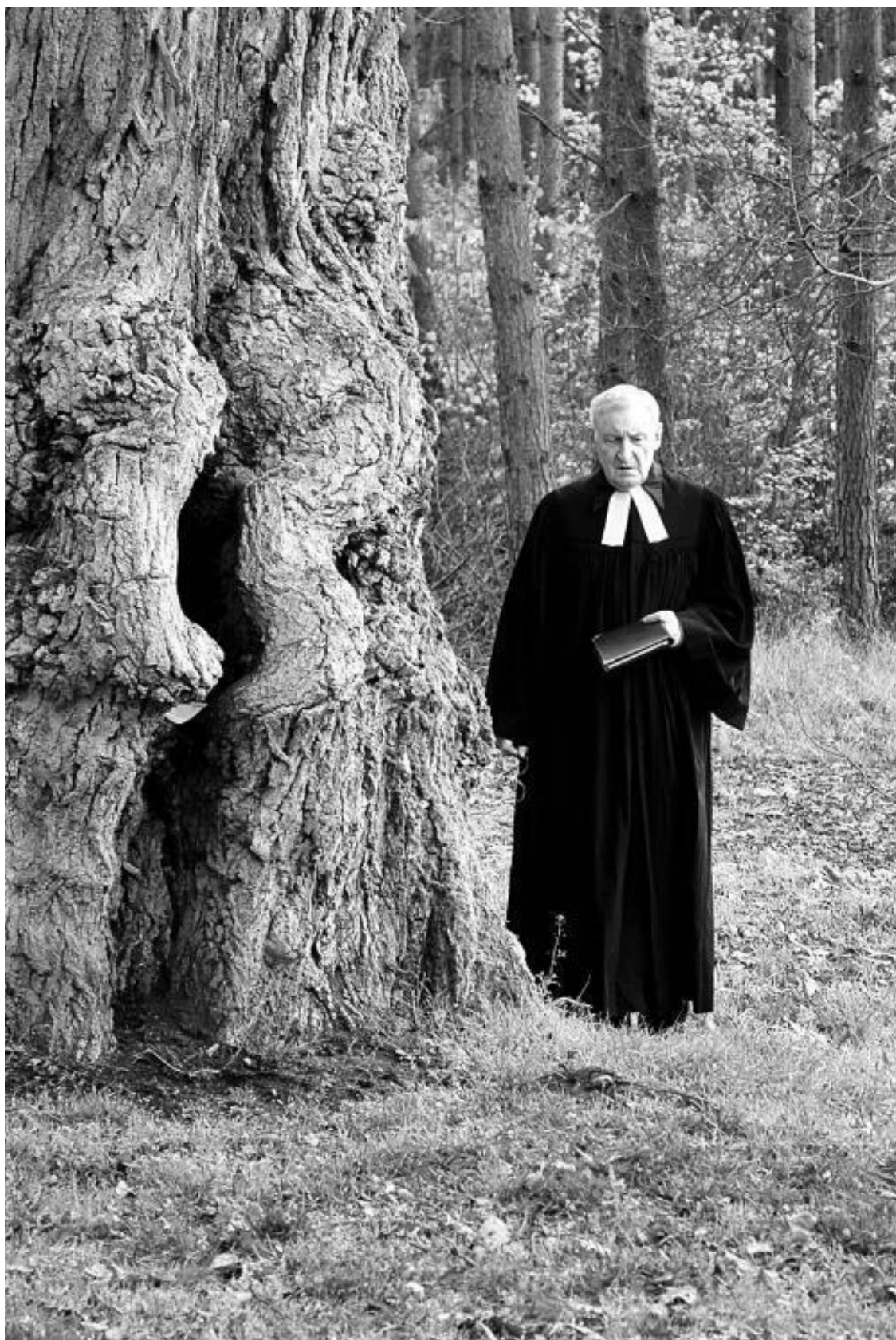
Сама я росла в Венгрии – советском сателлите в Европе, положение которого во многом походило на положение родины Меркель, Восточной Германии. У нас было схожее воспитание, а потому мне было проще понять Меркель и, в особенности, её стойкое желание молчать о сокровенном. Такое желание естественно для тех, кто провёл детство и юность в полицейском государстве. Лишь когда пала на первый взгляд несокрушимая Советская империя⁵, Меркель смогла начать политическую карьеру. Едва Ангеле представилась возможность послужить и помочь обществу так, как предписывает лютеранство, она тут же ей воспользовалась. Однако в дальнейшем мы выясним, что выбор Меркель был обусловлен причинами не менее сложными, чем сама её личность. Она жаждала отыграться за те тридцать пять лет, что провела за глухой стеной, и прожить захватывающую, полную свершений жизнь.

Пастор Фихтмюллер склоняется к канцлерин, решившей посетить его церквушку. «Злитесь ли вы, когда слышите, что вас до сих пор называют “дочерью пастора”, несмотря на ваш возраст?» – спрашивает он.

Влиятельнейшая женщина в мире отвечает сразу же: «Ни капли. Ведь я и есть дочь пастора».

---

⁵ Советская империя – политическое клише, характеризующее влияние СССР на ряд государств Восточной Европы, которое использовалось на Западе во времена холодной войны. – *Прим. пер.*

Отец Ангелы Меркель, пастор Хорст Каснер в лесах возле Темплина – немецкого города, в котором росла будущая канцлерин. Хорст Каснер вместе с семьёй перебрался из Западной Германии в Восточную вскоре после рождения дочери, отозвавшись на просьбу местной лютеранской церкви – читать проповеди в атеистическом коммунистическом государстве. Хорст

Каснер известен как суровый человек, целиком подвластный режиму. Именно у него Ангела переняла стойкость и здравомыслие.

1. Против течения

В жизни нет ничего, чего стоило бы бояться, есть только то, что нужно понять.

Мария Склодовская-Кюри (1867–1934)

Рождение первенца пастор Хорст Каснер пропустил. В тот день, 17 июля 1954 года, он на загруженном домашней мебелью фургоне ехал в отдалённый посёлок в Восточной Германии. Там ему предстояло занять должность священника.

Жители Западной Германии твердили Каснеру: «Добровольно на Восток отправляются либо коммунисты, либо тупицы». Несмотря на это, мужчина ростом под два метра с острыми чертами лица единственный откликнулся на призыв гамбургского епископа Ханса-Отто Вёльбера и отправился на службу в обездоленную зону советской оккупации Германии. Позднее Каснер скажет: «Я ни капли не жалею о том, что донёс туда слово Господне». Буквально за год до этого он женился на Герлинде Йенч – преподавательнице английского. Хорст заранее предупредил худенькую голубоглазую Герлинду о том, что церковь для него всегда будет на первом месте. И этого принципа он ни разу не нарушил.

Каснер, урождённый Каньмерчак, был сыном поляка, однако вырос в Берлине. В 1933 году, когда к власти пришёл Адольф Гитлер, Каснеру исполнилось семь лет. В старшей школе он был участником гитлерюгенда – юношеской военизированной нацистской организации, а в восемнадцать влился в ряды вермахта – вооружённых сил нацистской Германии. Говорят, годом позднее Хорста взяла в плен антигитлеровская коалиция, однако подробности этой главы его жизни историкам недоступны, если вообще не стёрлись за десятки лет. Оказавшись на свободе, Хорст начал изучать теологию в именитом Гейдельбергском университете, а после – в Гамбурге. И это всё, что на сегодняшний день можно узнать об отце Ангелы Меркель из официальных источников.

К счастью, личные беседы позволили нам дополнить его образ. Ангела никогда не была для этого сурового и требовательного служителя Господа важнее веры и паствы. И она с этим смирилась, однако неизбежно тосковала по отцовской заботе и признанию. Хорст никогда не гордился успехами старшей дочери – по крайней мере, никогда её открыто не хвалил, – однако Ангела неустанно стремилась завоевать его искреннее одобрение. Несбыточное желание – добиться признания со стороны отца – закономерно воспитывало в ней бесконечную целеустремлённость. Однако сильнее прочих действий отца на юную Ангелу повлияло то, что он решил покинуть относительно спокойную Западную Германию и отправиться в Восточную – навстречу опасностям и непредсказуемости советской оккупационной зоны.

Место рождения Ангелы Меркель, некогда многолюдный портовый город Гамбург, тогда представлял собой обгоревшие до неузнаваемости развалины, образовавшиеся после бомбардировки, которую британцы и американцы устроили в 1943 году, убив 40 тысяч человек. Тогда в немецком языке появилось новое слово – «фойерштурм». Им обозначили страшный огненный смерч, уничтоживший город. Однако к тому дню, когда немцы сдались – к 8 мая 1945 года, – тысячи выживших, оказавшихся в бедственном положении (в число которых входили недавно освобождённые пленники концентрационных лагерей и те, кто бежал от наступавшей Красной армии), потянулись в обезлюдевшие земли Гамбурга, заселяя то, что осталось от зданий, и отстраивая временные убежища.

К 1954 – году, когда в больнице Бармбек родилась Ангела Доротея Каснер, – трудолюбивые жители уже расчистили большую часть города. По улицам снова можно было ходить, здания восстановили, и всё постепенно возвращалось на круги своя. Страны антигитлеровской

коалиции, которые буквально десятилетие назад сбрасывали на город бомбы, теперь платили миллионы, чтобы его восстановить. Гамбург обещал стать сердцем Федеративной Республики Германия в области торговли, связи и моды, постепенно отвоёвывая положение, которое он занимал в XVI–XVII веках. Тогда Гамбург был свободным имперским городом – участником Ганзейского торгового союза, объединявшего обитателей побережья Балтийского и Северного морей. Те, кто пережил «фойерштурм», вновь обрели веру в достойное будущее. Спеша похоронить прошлое под обломками, толпы людей набивались в забегаловки Санкт-Паули – шумного квартала красных фонарей. И город дышал творчеством: яркими концертами, театральными постановками, а также оживлёнными и дерзкими печатными изданиями. Те, кто спешил восстановить город, вспоминали о жизни при Третьем рейхе с такой же неохотой, с какой думали о былых товарищах, оказавшихся теперь в зоне советской оккупации.

К 1954 году уже стало ясно, что Германскую Демократическую Республику сложно назвать «демократической». Основанная в 1949 году советской военной администрацией, она была аналогична по устройству другим московским сателлитам (Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Албании). В ней была разрешена только коммунистическая партия, которая определяла гражданскую и политическую жизнь государства. За год до рождения Ангелы в Восточной Германии произошло восстание. 16 июня 1953 года тысячи рабочих вышли на улицы Восточного Берлина, требуя повысить заработную плату, улучшить условия труда и организовать свободные выборы. В ответ на это правительство ГДР ввело военное положение. В результате погибло несколько сотен протестующих и был создан прецедент, который в 1956 году повторился в Венгрии, а в 1968 году – в Чехословакии.

Тяжёлое экономическое положение и политика правительства превращали непрерывную миграцию с Востока на Запад в настоящую волну. В 1954 году, за семь лет до того, как стена внутри немецкой территории стала непроницаемой, почти 331 000 жителей Восточной Германии перебрались в Западную, оставив дома и хозяйство.

Одна немецкая семья избрала прямо противоположное направление. Через два месяца после того, как супруг Герлинды Каснер покинул Гамбург ради Восточной Германии, она вместе с дочерью Ангелой села на поезд и отправилась следом за мужем в трёхчасовое путешествие до города Квитцова, находящегося на земле Бранденбург. Разница между оживлённой суетой Гамбурга и простой жизнью в небольшом фермерском городке отрезвила даже аскетичного пастора и его супругу. Уже вскоре молодое семейство перебралось в Темплин – городок примерно в ста пятидесяти километрах к востоку от Квитцова, окружённый чистыми озёрами и сосновыми борами, будто списанными с немецких сказок. Именно там Ангела Каснер делала свои первые шаги.

Однажды Ангелу спросили, что ей вспоминается, когда она слышит слово «хаймат» – «родина». Она описала местность, что окружает Темплин: «Озеро, леса и коровы, булыжники то тут, то там, сосны и сено». Именно там – в месте, где ей почти не на что было отвлекаться и где она могла свободно изучать как природу, так и собственное воображение, – Ангела Меркель научилась самостоятельности. Даже сегодня она заявляет, что нигде ей не спится так же хорошо, как дома. В Темплине.

Поезд из Берлина в Темплин змеится вдоль множества станций, пропитанных кровью немецкой истории прошлого века. Ораниенбург – город, где появился первый нацистский концентрационный лагерь; Заксенхаузен – сначала нацистский концлагерь, а затем спецлагерь НКВД СССР; Зелов – город, в котором произошло одно из самых кровопролитных сражений между силами вермахта и Красной армии. На дорожных знаках по пути к Темплину до сих пор есть надписи на кириллице, напоминающие о существовании советской оккупационной зоны. Почва здесь по-прежнему ядовита из-за испытаний оружия, проводившихся вблизи советской

военной базы. Когда Ангела была ребёнком, сказочное спокойствие её жизни по несколько раз за день нарушалось пролетающими низко над землёй советскими самолётами.

Когда приезжаешь в Темплин, то обнаруживаешь живописный город с вымощенными брусчаткой улицами и зданиями из красного кирпича. Именно здесь Меркель росла, ходила в школу и впервые вышла замуж, и именно это место считала своей родиной её мать, которая умерла в 2019 году. Когда Герлинду в последние годы жизни спрашивали о переезде, она объясняла: «Мы, христиане, прибыли помочь другим христианам. Кто-то отправляется помогать в Африку. А мы отправились помогать в другую часть своей же страны». Восточную Германию она отнюдь неспроста сравнивала с Африкой. Так становилось понятнее, насколько сильно коммунистический Восток отличался от Запада. Герлинде пришлось многим пожертвовать ради переезда в Восточную Германию: поскольку она была супругой «буржуазного» пастора, ей запретили преподавать. Однако Ангела не помнит, чтобы её мать хотя бы раз сетовала по поводу переезда в советскую оккупационную зону. Хорст и Герлинда Каснер с детства прививали дочери бескорыстие и самообладание.

Когда Каснеры впервые прибыли в деревню Вальдхоф (переводится как «лесной двор»), представлявшую собой скопление примерно из тридцати зданий, которыми владела лютеранская церковь, их семья оказалась настолько бедной, что не могла себе позволить даже коляску для ребёнка. Люлькой для будущей канцлерин стал перевёрнутый ящик. «Отцу приходилось доить коз, а мама научилась у местной старушки готовить крапивный суп», – вспоминала Меркель. Вот её первое воспоминание: через двор галопом скачут лошади, а она от них убегает. В те годы, по воспоминаниям Меркель, «родители ездили на небольшом мотоцикле». Позже, когда Хорст Каснер стал пастором, чью деятельность признавало и одобряло государство (то есть не считало её угрозой для коммунистического строя), семья получила два личных автомобиля, что для жителей советского сателлита было редким достижением⁶. Многие, кто служил с Хорстом в одной церкви, полагали, будто он слишком уж подстраивается под существующий режим. Несмотря на преимущества, которые Каснер получал благодаря должности в церкви, его положение, как и положение его семьи, было сомнительным. Согласно официальному отчёту от 1994 года, в стране Мартина Лютера под руководством коммунистической партии была успешно проведена дехристианизация. Однако необходимость лавировать в столь мутных водах обучила Ангелу Меркель политической сноровке.

Вальдхоф был пристанищем в том числе и для одной из важнейших восточногерманских духовных школ, где Каснер обучал священнослужителей. Жизнь там была простой: никакой роскоши, никаких изысков. Паства состояла из сотен нуждающихся в крове детей и взрослых с физическими и умственными недостатками, которых обучали простым ремёслам. Эти дети и взрослые были неотъемлемой частью церкви, и их присутствие даже на семейных праздниках в доме Каснеров всегда было для Ангелы привычным.

Дожившие до сегодняшних дней соседи вспоминают, что Хорст Каснер был пугающей и неоднозначной личностью. Слава о нём распространилась и за пределы Вальдхофа. «Он был суровым, совсем не похожим на обычного служителя церкви», – вспоминал друг детства Ангелы Ульрих Шенайх, высокий, до сих пор молодо выглядящий мужчина, который некогда был мэром Темплина. Возможно, пастор Каснер и не был добросердечным священником, однако именно у него Меркель переняла здравомыслие и умение чётко изъясняться.

---

⁶ Мы с сестрой росли в Венгрии и каждое воскресенье посещали католическую службу в церкви неподалёку от дома. Однако монахине, которая приходила к нам домой, чтобы объяснять катехизис, не разрешалось носить мирскую одежду. В ту эпоху быть открытым христианином означало сталкиваться с ограничениями. Религия считалась уделом буржуазии – преступлением, за которое в начале 1955 года моих родителей-журналистов арестовали и ложно обвинили в шпионской деятельности. – *Прим. авт.*

Каснер всегда был очень требователен к Ангеле. «Ошибки запрещались», – рассказывала она в интервью на заре своей политической карьеры. С возрастом она всё чаще задумывалась, что именно движет отцом: «Ему хорошо удавалось находить общий язык с людьми. Он мог разговаривать любого. И в детстве меня очень раздражало как раз то, что он понимает кого угодно, но только не нас. Ведь стоило нам хоть в чём-то оступиться, он реагировал совершенно иначе». Особенно больно Ангеле было осознавать, что её обожаемый отец, судя по всему, использует работу как предлог держаться подальше от семейных обязанностей. «Хуже всего было, когда он говорил: я туда и обратно – и пропадал на несколько часов», – вспоминала она. Порой ей приходилось ждать его на улице возле дома «очень-очень долго».

К счастью, в жизни Меркель были и другие взрослые, у которых хватало времени, терпения и доброты, недостававших её холодному отцу и занятой матери. «Помню садовника – крепкого старика, который научил меня доверять людям и сохранять спокойствие, – вспоминала Ангела значительно позднее. – Он научил меня всему на свете: как различать цветы, как разговаривать с людьми с ограниченными возможностями здоровья. Рядом с ним было спокойно и уютно, а ещё он разрешал есть морковь прямо с грядки. Благодаря ему я полюбила природу. Сегодня я понимаю, насколько ценно время: оно ценнее денег».

В окружении нетронутых человеком лесов и озёр Меркель полюбила тишину деревенской жизни. Позднее одна из ближайших помощниц канцлерин назовёт те самые леса её «личным мозговым центром». Один из самых давних её друзей называет те времена, когда она жила вдалеке от напряжённой и шумной городской жизни, «этапом расслабленного спокойствия». Ангела до сих пор любит тишину и признаётся: «Все эти разговоры... Порой они так надоедают. Мне важно иногда просто помолчать в чём-то присутствии». Любовь к тишине не раз помогала Ангеле Меркель как политику и дипломату, когда необходимо было выбить неприятеля из колеи.

Спокойное детство Ангелы Каснер резко оборвалось утром 13 августа 1961 года. Двумя днями ранее её отца посетило недоброе предчувствие. Семья возвращалась из поездки в Баварию, и, когда машина пересекала границу между Западной и Восточной Германией, пастор заметил, что в сосновом бору вдоль дороги лежат огромные рулоны колючей проволоки. «Странно», – сказал он, обратившись к супруге. Два дня спустя Каснеры направлялись в церковь, когда по радио объявили ту самую новость. Рулоны колючей проволоки были нужны затем, чтобы отрезать Восточную Германию от Западной – и от остальной Европы. В итоге Восточная Германия стала закрытым государством. Жертва, которую Каснер принёс во имя Господа и церкви, резко прибавила в весе.

«Мне было семь, когда я [впервые] увидела родителей в полном отчаянии. Они понятия не имели, что делать и говорить. Мама весь день плакала, – вспоминала Меркель. – Я хотела им помочь, поддержать их, однако они были безутешны». Герлинда понимала, что, возможно, никогда больше не увидит родственников, которые остались в Гамбурге. Родственники её мужа хотя бы жили в Восточном Берлине. Строжайший пограничный контроль разделил Каснеров и их гамбургских родственников. Связь между Западной и Восточной Германией обрубили резко и окончательно.

В отчаянной попытке уберечь коммунистическую Восточную Германию была возведена Берлинская стена (или «Антифашистский оборонительный вал», как его называла восточно-германская пропаганда) протяжённостью 43 километра, а также 112-километровая стена вдоль всей границы между частями Германии. Пока граница была открыта, Восточную Германию ежедневно покидало до 2 тысяч человек. Теперь же не было опаснее земли в Европе, чем рубеж между Восточным и Западным Берлином, обозначенный бетонной стеной, толщина которой составляла полтора метра, а высота – четыре, и защищённый с земли минными полями, собаками, а также охраной с автоматами. Свет прожекторов, которые включались после заката, не

отпугивал разве только самых отчаянных. Позднее Меркель назовёт страну, в которой провела юность, словом «лагерь», намекая на концентрационные лагеря.

Однако в тишине Вальдхофа жизнь юной Ангелы изменилась не сильно. Она жила вместе с родителями, младшим братом Маркусом (который родился в 1957 году) и младшей сестрой Иреной (родилась в 1964). А ещё у Ангелы был доступ к обширной родительской библиотеке, которую они привезли с собой из Гамбурга – в уединённой деревушке чтение стало для девочки настоящим спасением. Ещё до подросткового возраста в ней проснулось неуёмное желание открывать всё новые и новые книжные миры. Длинными тёмными ночами в суровом Вальдхофе Ангела запоем читала русскую классику, и с этого началась её любовь к русской культуре и языку длиною в жизнь. «Русский – прекрасный язык, преисполненный чувств. В чём-то он напоминает музыку, а в чём-то – навевает тоску», – замечала она. Впечатление о советских руководителях никогда не омрачало её впечатления о проникновенных работах русских писателей и поэтов и о русских людях в целом.

Пусть Герлинде запрещали преподавать, дочь английскому она обучила как следует. Эти знания в дальнейшем помогли Ангеле конкурировать на международной арене. Вот только английских книг в доме Каснеров было маловато. В Восточной Германии за изданиями, не входившими в список одобренных с точки зрения марксизма-ленинизма, следили так же тщательно, как за оружием⁷. Единственной «книгой» на английском, доступной юной Ангеле, оказалась официальная газета Коммунистической партии Великобритании «Морнинг стар», которую можно было прихватить с собой из очередной поездки в Берлин.

Сидя в тихом приходском здании и читая жизнеописания великих европейских политиков и учёных, Ангела нашла себе пример для подражания. Им стала Мария Склодовская-Кюри, первая женщина – нобелевский лауреат и первый дважды нобелевский лауреат. Учёная приглянулась Ангеле по нескольким причинам. Мария, как и один из дедов Меркель, родилась в Польше. «Во времена, когда жила Мария Склодовская-Кюри, Польша частично входила в состав Российской империи. А в моей юности часть Германии находилась под влиянием Советского Союза», – отмечала Меркель в одном из первых интервью. Однако больше всего девочку впечатлили обстоятельства, при которых был открыт такой элемент, как радий: «Она совершила это открытие, поскольку была уверена, что её задумка сработает. Когда веришь в свой замысел – и пусть все остальные против, – когда, несмотря ни на что, пытаешься воплотить его в жизнь, когда не расслабляешься при удачах и не сдаёшься при неудачах, то, если замысел в действительности был рабочим, ты сможешь добиться своего».

Отчаянно желая сбежать от суровой действительности и нуждаясь в примере для подражания, Ангела по-настоящему вдохновилась упорством и победой Склодовской-Кюри, особенно если учесть, что одержала она её в среде, где процветала гендерная дискриминация. «В жизни нет ничего, чего стоило бы бояться, есть только то, что нужно понять», – писала Склодовская-Кюри, и эта мысль глубоко впечатлила юную Ангелу.

Библия, которую Ангела не выпускала из рук всё детство, вдохновляла её не меньше Склодовской-Кюри. Благодаря воскресным проповедям, которые отец читал в выстроенной из красного кирпича часовне Святого Георгия, девочка была знакома с персонажами из Ветхого и Нового Завета не хуже, чем её сверстницы с героями сказок братьев Гримм. Отец учил Меркель оценивать строго и здраво всё вокруг, так что она, наверняка вопреки его намерениям, даже задумывалась о сути веры. В своих первых интервью Ангела озвучивала весьма необычное мнение о жизни после смерти и спасении души: «Уверена, наш мир конечен и ограничен. Однако за его пределами существует нечто, позволяющее нам выносить испытания. Можете

---

⁷ В конце 1970-х, будучи корреспондентом, я пересекала границу между Западным и Восточным Берлином. Помню, тогда пограничники спросили у меня: «Контрабанда, оружие, газеты?» – *Прим. авт.*

называть это “Господом” или как-то ещё... Однако мне становится спокойнее, когда я вспоминаю, что всегда могу прийти в церковь. Мне легче оттого, что нам позволено согрешить и получить прощение. Иначе можно сойти с ума». Библия стала для неё бескрайней сокровищницей, неисчерпаемым источником силы⁸.

Вера во многом определяет личность Меркель и все её достижения. Причём её вера сильно отличается от тех догматов, что проповедовал Хорст Каснер. «К вере я отношусь с осторожностью, – замечала она. – Я считаю, что религия – это личное. Благодаря ей я прощаю себя и окружающих, а ещё она не даёт мне утонуть в моих обязанностях. Будь я атеисткой, мне было бы тяжелее нести своё нелёгкое бремя...»

«Самое сложное и при этом самое важное – любить. Если вы читали Библию, Евангелие от Иоанна, то знаете, что [любовь] проявляется не в нежных словах, а в ощутимых *деяниях*. Настоящая любовь безусловна и бесстрашна. Любить – значит *служить*», – объясняла она во время собрания протестантских церквей в 1995 году, в ходе самого открытого заявления о том мировоззрении, которым она будет руководствоваться как в личной, так и в политической жизни. Дела важнее слов, а проявлять любовь – это не столько добиваться определённой цели, сколько упорно и неустанно стараться. Таково убеждение Меркель.

Десять лет спустя, во время выступления на ещё одном собрании протестантских церквей, Меркель, говоря о собственной вере, упомянула, что дарить и принимать любовь может лишь тот, кто познал себя и уверен в себе. «Любить другого может лишь тот, кто полюбил себя, поверил в себя, познал себя. Только тогда удастся достучаться до *чужого сердца*... Любить может лишь тот, кто прекрасно осознаёт, кем является», – заявляла она. Именно понимание собственной сути позволит ей однажды признать: «Я – часть истории, мне свойственно ошибаться – и я буду ошибаться». Столь здравая самооценка во многом объясняет, как именно ей удаётся сохранять спокойствие даже под огромным давлением.

На веру Меркель во многом повлияло то, что в Вальдхофе она постоянно общалась с людьми с ограниченными возможностями здоровья. В том же обращении 2005 года Меркель процитировала книгу пророка Малахии, главу 2, стих 17, и добавила: «Малахия видит, как общество расправляется со слабыми, изгоями, как оно несправедливо к наёмным рабочим, вдовам и сиротам. Малахия считает это неприемлемым, противоречащим Божьим заповедям... Нельзя отыгрываться на слабых. Необходимо помогать им». Десятилетие спустя Меркель подкрепит свои слова делом: она пустит в Германию миллион «изгоев» – беженцев из стран Ближнего Востока, где ведутся ожесточённые военные действия. Людей, знакомых с личным представлением Меркель о вере, ни капли не удивило такое решение.

Она сразу поняла, что сможет достойно служить своему народу, только если обретёт необходимую власть. К слову, власти она никогда не чуралась. «Во власти как таковой ничего плохого нет. Без неё не обойтись. Власть подразумевает действие. Если я хочу что-то сделать, мне нужно выбрать верные инструменты, то есть получить поддержку людей. Получить власть – значит получить силу, достаточную для действий. Противоположность тому – *бессилие*. Зачем нужны хорошие мысли, если их нельзя воплотить в жизнь?» – говорила Меркель. Слышать, чтобы политик, неважно, мужчина или женщина, так открыто высказывал собственное мнение о власти и прямо заявлял о том, что в ней нуждается, по меньшей мере необычно.

Она рано начала проявлять свою власть. Друг детства Ульрих Шенайх говорил, что Ангела «была главной с самого начала. Нужно что-то организовать – она тут же берётся». Позднее она рассказывала, как, быстро выполнив свою домашнюю работу, помогала остальным. Ей

⁸ В начале политической карьеры Меркель порой ненароком использовала библейский язык во время выступлений. К примеру, 17 января 2001 года она призвала Йошку Фишера, который тогда был министром иностранных дел Германии, «покаяться» в том, что он в 1968 году, будучи радикально настроенным студентом, швырнул камень в сотрудника полиции. Став более опытным политиком, она больше не повторит своей ошибки. – *Прим. авт.*

было важно ко всему готовиться заранее. «До Рождества – два месяца, а я уже думаю, какие подарки купить. Мне было спокойнее, когда всё шло согласно плану и без происшествий» – рассказывала Ангела.

Уже в юности она демонстрировала осторожность и выражала потребность в контроле. Мало что свидетельствует об этом лучше, чем случай на трамплине для прыжков воду, о котором вспоминают друзья Ангелы. В третьем классе учитель под смех и улюлюканье одноклассников уговорил её взобраться на трёхметровую вышку. Девятилетняя Ангела поднялась и застыла на месте. Вода внезапно оказалась далеко внизу. Однако Ангела не отступила, вместо этого она сорок пять минут шагала туда-сюда по трамплину, будто решая, стоит или не стоит прыгать. Наконец прозвенел звонок с урока – и Ангела нырнула.

Стоит ли подстраиваться? Насколько явно нужно подыгрывать официальному режиму, чтобы выжить? Жизнь в Восточной Германии постоянно заставляла Ангелу задумываться над подобными вопросами. Ни в одной стране за пределами Советского Союза не присутствовало столько советских войск, сколько в Восточной Германии: согласно подсчётам, в 1991 году в стране находилось 380 тысяч солдат и 180 тысяч гражданских. Со временем советские солдаты, с которыми Ангела мирно беседовала на улицах Темплина, равно как и сотрудничавшие с ними немцы, стали источником нарастающего разочарования и даже ярости. Позднее Меркель рассказывала, что каждый раз, когда она возвращалась домой из школы, первым делом бежала к маме – выговориться. Со временем невидимые ограничения начали стеснять Ангелу значительно сильнее настоящей стены. «Тебе никогда не позволяли по-настоящему бросить себе вызов, посмотреть, как далеко ты можешь зайти», – вспоминала она. От того, из буржуазной ты семьи или пролетарской, буквально зависело твоё будущее⁹. Однако, невзирая на растущее негодование, Ангела поставила себе условие: «Я решила: если здесь станет совсем невыносимо, ни за что не позволю сломать себе жизнь и любой ценой переберусь на Запад»¹⁰.

Поскольку было опасно привлекать внимание, она научилась оставаться невидимой. На школьных фотографиях класса Ангела, с ровной чёлкой, в бесформенном свитере, улыбается зрителю с заднего ряда. Однако именно Ангела первой в классе надела брюки, символизирующие загнивающий Запад, – джинсы, которые ей контрабандой отправили гамбургские родственники. Ангела скоро поняла, что в неприятности можно попасть буквально из-за пары штанов. Школьный директор время от времени отправлял детей, пришедших в джинсах, домой – переодеться «во что-нибудь подходящее для жителей рабоче-крестьянской страны».

Однако внимание окружающих привлекала отнюдь не внешность Ангелы Каснер, а её ум. «Я познакомилась с ней, когда она была ещё худощавой двенадцатилетней девочкой, – вспоминала Эрика Бенн, некогда преподававшая Меркель русский. – Сегодня её называли бы “крайне одарённой”. Она очень охотно училась, никогда не ошибалась в русской грамматике и получила высший балл в региональной языковой олимпиаде, после чего одержала победу в национальном соревновании». Бенн, которая прежде состояла в коммунистической партии, заметила: был у её непревзойдённой ученицы один-единственный недостаток – она не обладала обаянием. «Она никогда не улыбалась! Не пыталась никого завоевать обаянием. “Смотри в глаза!” – шептала я ей каждый раз, когда она опускала взгляд в пол» – вспоминала Эрика Бенн.

⁹ Кроме того, учитывалось отношение ребёнка и его семьи к всевидящему государству. Моих собственных родителей объявили «врагами народа» за то, что они не поддерживают коммунизм, в итоге мне нельзя было поступить в университет – только в техникум. – *Прим. авт.*

¹⁰ «Переезд на Запад» требовал тщательной подготовки, огромной смелости, чаще всего – денег, чтобы заплатить «проводнику», и, конечно, удачи. Вероятность успешного побега близилась к нулю. Пока я была ребёнком, родители пытались преодолеть железный занавес и покинуть Венгрию самыми разными способами. Все попытки оказались тщетными по разным причинам: то предадут изнутри, то погода не задастся, то ребёнок упадёт (этим ребёнком была я). – *Прим. авт.*

За победу в олимпиаде по русскому языку пятнадцатилетняя Ангела получила возможность совершить первое в жизни путешествие за границу – в Москву. Меркель отчётливее всего помнит то, как во время поездки ей купили первую западную пластинку. Хотя сейчас она уже не уверена, чьи именно там были песни – The Beatles или The Rolling Stones. (Из своих сателлитов Советский Союз строже и отчаяннее всех оберегал от «империалистского» – западного – культурного и политического влияния Восточную Германию.)

То, что дочь священнослужителя приняли в общеобразовательную среднюю школу, а не отправили в техническую, было крайне необычно. И хотя Меркель училась исключительно на отлично, преподаватели редко хвалили и поощряли её. По правде говоря, учительнице русского даже сделали выговор за то, что Ангела побеждает в олимпиадах. «Во время одного из школьных партсобраний, – вспоминала Бенн, – представитель партии ухмыльнулся: “Подумаешь, отлично выступила! Чего ещё ожидать от ребёнка *буржуев*? Нет бы поддержать детей рабочих и крестьян!”» Ангелу всегда винили в том, что её отец был так называемым буржуем: он вызывал подозрение у окружающих. «Мне всегда приходилось опережать остальных по успеваемости», – вспоминала Меркель.

Ангела была блестящей ученицей. Она мечтала, чтобы её принимали сверстники, и потому вступила в пионерское движение – организацию, которая, можно сказать, готовила детей ко вступлению в коммунистическую партию. Меркель сама признавалась, что приняла такое решение «на семьдесят процентов из-за стремления понравиться». Ей хотелось общаться со сверстниками, занять своё место среди них. В итоге Ангеле пришлось разрываться между двумя разными мирами: в церкви она пела лютеранские псалмы, а в школе старалась как можно убедительнее восхвалять Владимира Ленина. «Некоторым я иногда даже завидовала – тем, кто слепо верил. Не задавал вопросов, не сомневался – просто играл по правилам», – признавалась она.

Даже изучая теорию марксизма-ленинизма, прочившую пролетариату неизбежную победу, Меркель тайком следила за политическими новостями Германии по ту сторону стены. «В 1969 году я тайком пронесла в женский туалет транзисторный радиоприёмник и слушала дебаты, которые проходили перед выборами западногерманского президента, – вспоминала она. – Три захватывающих этапа голосования – подумать только!» Благодаря отцу в том же году Ангеле досталась такая редкость, как копия эссе советского диссидента, физика-ядерщика Андрея Сахарова. В эссе Сахаров выступал против поддержки Москвой опасной и дорогостоящей гонки вооружений. Когда Меркель застали за чтением запрещённой литературы, Штази тут же вызвало пастора Каснера на допрос. Он отказался раскрывать источник, однако произошедшее напомнило ему: даже те пасторы, которые «дружат» с правительством, могут стать жертвой госаппарата, направленного на запугивание граждан.

Ульрих Шенайх и другие люди считали, что отец Ангелы, которого многие за глаза называли «Роте Каснер» («Красный Каснер»), слишком уж сильно старается выслужиться перед режимом. Даже проповедуя Евангелие, он не противился вмешательству государства в жизнь церкви. «Одно время такие люди, как отец Ангелы, даже полагали, будто у коммунистов и христиан общая цель, – сказал мне Лотар де Мезьер, ярый сторонник восточногерманской лютеранской церкви. – Ведь и те и другие верили в человеческую добродетель». Так они пытались найти что-то общее между двумя мировоззрениями. «Наша религия не желает *сопротивляться* социализму. Не желает *поддерживать* социализм. Она хочет вписываться в систему и мирно сосуществовать с государством, – объяснял де Мезьер. – Вот какие правила установил отец Ангелы Меркель».

И пусть стена пала десятки лет назад, воспоминания о пасторе Каснере до сих пор живы и отдают горечью. В том числе и для священнослужителя Райнера Эппельмана. В 1980-е годы Эппельман был пастором-диссидентом, который не боялся высказывать своё мнение вслух. Неудивительно, что его целых три раза пытались убрать Штази. Он познакомился с пастором

Каснером в темплинской семинарии, когда заканчивал учиться на теолога. «Отношение Каснера потрясло меня», – вспоминал он во время длинного интервью, которое дал мне осенью 2017 года в Берлине. Хорст руководил новоиспечёнными пасторами на финальных этапах теологического обучения, однако, если верить Эппельману, Каснер твёрдо верил, что социалистическая Германия «свободна от эксплуатации» и очевидно лучше капиталистической Германии. «Он то и дело повторял это нам, пасторам. Он был высокомерен и критиковал протестантскую церковь, хотя та делала всё возможное в условиях давления» – рассказывал Эппельман. Кроме того, Каснер признавался Эппельману, что, возможно, скоро в Восточной Германии вообще не останется пасторов.

«Только представьте, – говорил Эппельман, – пятнадцать молодых людей сидят в колледже для пасторов, ждут не дождутся, когда их отправят собирать паству где-нибудь на Востоке. И тут Каснер говорит: “Не будет у вас никакой паствы: число пасторов на Востоке постоянно сокращается. Скоро церковь не сможет вас обеспечивать. Придётся искать обычную работу, на которую вы будете ходить с понедельника по пятницу. А церковь сможете посещать только в субботу и воскресенье”. Только представьте, как подобное расстраивало». То, как Каснер пытался смешивать политику с религией, лишь удручало Эппельмана, который порой считал Каснера лицемерным: «Мне казалось, что нельзя объединять веру с политикой так. Нельзя отрицать, как плохо протестантским семьям в Восточной Германии... Что их наказывают как раз *потому*, что они христиане! Каснер был уверен, что все мы, даже христианские пасторы, обязательно станем сторонниками “реального социализма”».

Остаётся лишь догадываться, сожалел ли Каснер о своём переезде на Восток, когда его вынудили слушаться и даже поддерживать государственный план Штази – упразднить должность пастора как таковую. Как бы то ни было, отец Ангелы из последних сил надеялся, что социализму и религии удастся ужиться друг с другом хотя бы в какой-то мере, хотя постоянно сталкивался с доказательствами обратного.

Меркель никогда открыто не критиковала отцовский подход к политике. «Отец пытался создать церковь, которая соответствовала бы нуждам жителей Восточной Германии», – говорила она, сравнивая собственные убеждения с латиноамериканской теологией освобождения. Однако то, что она соглашалась с ним на людях, отнюдь не означало, что она принимала все его слова на веру. Ангела вспоминала один их давний спор «о том, сколько имущества можно обобществить, а сколько – оставить в личном распоряжении гражданина». Годы спустя пастор скажет, что ещё давным-давно научился понимать дочь, и горько отметит: «Она постоянно поступала как ей вздумается».

В 1968 году возвышенные представления Каснера о социализме ждал ещё один суровый удар, который оставил неизгладимое впечатление в душе четырнадцатилетней Ангелы. То был год Пражской весны – периода политической либерализации и массовых протестов в Чехословацкой Социалистической Республике. В промежутке с января по август людям в числе прочего удалось добиться ослабления ограничений в отношении СМИ, свободы слова и перемещений. «Прекрасно помню, как все были воодушевлены переменами, – вспоминала Меркель годы спустя. – Мы тогда отдыхали на чехословацком курорте Пец-под-Снежкой. Все так воодушевились. Потом родители на два дня отправились в Прагу – взглянуть, что происходит на Вацлавской площади, ведь именно на этой площади происходили антиправительственные протесты. Возвратились крайне вдохновлёнными: надеялись, что положение дел в социалистическом лагере изменится и в конце концов начнутся послабления... Ведь раз получилось у Чехословакии, то и у Восточной Германии получится. Помню, как засомневалась, возможно ли вообще повлиять на социализм как таковой».

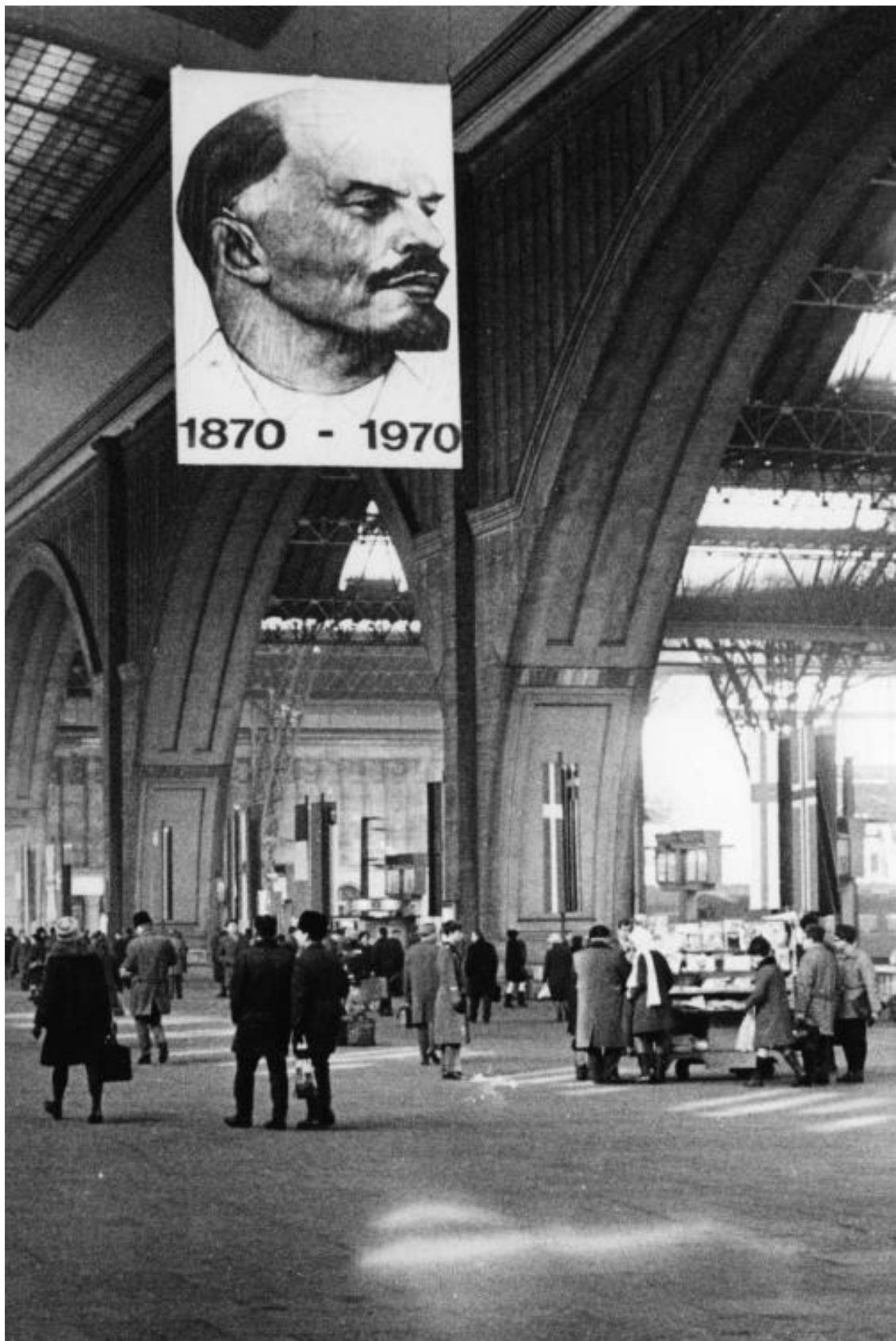
21 августа Меркель возвратилась с отдыха в чешских горах и посетила бабушку, жившую в Восточном Берлине. «До сих пор чётко помню: стою я утром в кухне и слышу, как по радио объявляют, что советские войска вошли в Прагу». Несколько подразделений из дружественных

социалистических республик – Польши, Болгарии, Венгрии и, что расстроило юную Ангелу больше всего, Восточной Германии – перешли чешскую границу и положили конец Пражской весне. «Меня будто громом поразило. Я очень разочаровалась и расстроилась», – вспоминала Меркель. На то, каким образом в 2014 году подавлялось реформистское движение в Украине, Меркель отозвалась быстрее и острее коллег по политической арене. Чужая жестокость, вне всяких сомнений, пробудила воспоминания Меркель о том, как она далёким летом 1968 года, стоя в бабушкиной кухне, услышала вести из Праги.

Когда Советский Союз подавил попытку Чехословакии построить «социализм с человеческим лицом» (как говорили о «Пражской весне» её инициаторы, в частности Александр Дубчек, который был первым секретарём ЦК Коммунистической партии Чехословакии), пастор Каснер понял, что не может больше так же просто прикрываться возвышенными представлениями о восточногерманском режиме. Тем не менее он упрямо продолжал верить в возможность существования «человечного» социализма и так и не смирился с капиталистическим строем. Германия давно стала единой, его дочь уже сияла на политическом небосводе капиталистического государства, а он продолжал сетовать: «Только и мысли [у капиталистов], что о *деньгах*, чтобы производитель получал прибыль, а потребитель покупал, причём покупал с избытком. В нас вбили представления о рыночной экономике, и якобы никто не смеет оспаривать её власть. Сегодня всё – это “товар”, даже природа».

Когда Ангела закончила темплинскую гимназию – самый престижный вид средней школы в Германии – с отличием по математике, физике и русскому языку, её едва не отказались выпускать. И всё из-за не более чем невинной шалости. На выпускном каждый ученик должен был во всеуслышание признаться в любви к марксизму-ленинизму, выступив с постановкой о его международном триумфе. А Меркель и несколько её одноклассников решили своим выступлением поддержать не только Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (который считался врагом Америки, а потому, несомненно, заслуживал поддержки), но и людей Мозамбика, которые вели войну против португальских колонизаторов. Вот только борьба жителей Мозамбика не была строго коммунистической. Мало того, Меркель с одноклассниками в конце ещё и спели воодушевляющий припев международного пролетарского гимна «Интернационал». За такой проступок Коммунистическая партия даже хотела лишить диплома одну из лучших выпускниц гимназии и всего региона, которую уже успели принять в именитый Лейпцигский университет (переименованный в 1953 году в университет имени Карла Маркса).

Осознав ужасающие последствия дерзкого поступка дочери, пастор Каснер связался с епископом, и тот уговорил правительство проявить снисхождение к многообещающей ученице и её одноклассникам. На этот раз Каснер уберёг дочь от беды. Однако в дальнейшем её всё равно настигла политика государства, которое было готово за любую мелочь лишить одарённого человека права на успешное будущее.

Осень 1973 года. Девятнадцатилетняя Ангела Меркель прибыла на огромный железнодорожный вокзал, где её поприветствовал портрет Владимира Ленина, чтобы изучать физику в знаменитом Лейпцигском университете. Впервые в жизни оставшись одна, она проявила себя как осмотрительная и при этом крайне воодушевлённая и умная студентка.

2. Самостоятельная жизнь в Лейпциге

Всё должно выглядеть демократично, однако при этом полностью находиться в нашей власти.

Вальтер Ульбрихт, Первый секретарь Социалистической единой партии Германии с 1950 по 1971 год

Осень 1973 года, когда девятнадцатилетняя Ангела Каснер покинула дом и отправилась в Лейпцигский университет, была для Восточной Германии мрачным временем. Коммунистов, которые слишком открыто высказывались в пользу Пражской весны, отправляли в тюрьму или исключали из партии. Президент США Ричард Никсон только в прошлом году «поехал в Китай», однако совсем уже состарившийся генсек СССР Леонид Брежнев даже не думал нарушать неписаных запретов и мешать такому бескомпромиссному сталинисту, как Вальтер Ульбрихт. Население Германии ещё сильнее погрязло в мрачном смирении с тем, что всё *останется как есть*.

После неприятного столкновения со всевидящим оком государства Меркель решила обезопасить себя и заняться наукой. Позднее она признавалась: «Я выбрала физику, поскольку хотела разобраться в эйнштейновской теории относительности и при этом понимала: уж основные законы арифметики и природы Восточная Германия поправить не сможет». Смысл заниматься гуманитарными науками? Немецкий писатель Генрих Бёлль недавно получил Нобелевскую премию по литературе, а в Восточной Германии тем временем, согласно воспоминаниям Меркель, «нельзя было прочесть его “Глазами клоуна” без особого разрешения, а иностранные книги и газеты и вовсе были запрещены». Меркель стремилась получить степень доктора наук в области физики. Она выбрала Лейпцигский университет не только потому, что он считался одним из важнейших в Германии храмов науки, но и потому, что находился в 270 километрах от Темплина. Пришла пора самостоятельной жизни. «Мне хотелось сбежать, хотелось вырваться из этого городка», – объясняла Меркель. Она, вне всяких сомнений, жаждала в том числе оказаться подальше от вечно недовольного ею отца и бесконечно преданной ему матери.

Сойдя с поезда, который шёл из Темплина в Лейпциг, Ангела оказалась на величайшем в Европе центральном вокзале с высоким сводчатым потолком, являвшем собой напоминание о золотом веке железнодорожных перевозок. Девятнадцатилетнюю Меркель приветствовали громадные портреты героев коммунизма: Маркса, Ленина, Ульбрихта. Однако даже пропаганда не сумела умалить величие Лейпцига. Он мог похвастаться как яркой историей, так и до сих пор витающим в нём международным духом. Композитор Иоганн Себастьян Бах, поэт Фридрих фон Шиллер, писатель Иоганн Вольфганг фон Гёте, художник Макс Бекманн – все они либо учились, либо жили именно в Лейпциге. Более того, именно там ежегодно проводилась одна из старейших в мире ярмарок и находился легендарный университет. Неудивительно, что город был оживлённым, насколько это возможно в государстве-сателлите.

Меркель запрыгнула в трамвай до Карл-Маркс-платц (которую сегодня уже называют прежним именем – Аугустусплатц), чтобы записаться на занятия в бездушном бетонном административном корпусе университета. Ангела наверняка испытывала трепет, когда проходила по аскетичным коридорам, прежде чем занять своё место в амфитеатре или конференц-зале, слегка изменившихся со времён философа Фридриха Ницше, композитора Рихарда Вагнера и нобелевских лауреатов физиков Вернера Гейзенберга и Густава Герца, которые бывали здесь до неё.

Из семидесяти первокурсников-физиков в Лейпцигском университете было всего лишь семь женщин, и одна из них – Ангела Меркель. «Она была первой девушкой, пришедшей на мои занятия», – вспоминал преподаватель термодинамики Райнхольд Хаберландт – высокий

мрачный мужчина. Ему сейчас уже за восемьдесят, однако даже четыре десятка лет спустя он прекрасно помнит свою студентку, невзирая на её отчаянные попытки не выделяться. «Ангела всегда говорила тихо и метко. На лекции сидит восемьдесят человек, а Ангела открывает рот только тогда, когда её спрашивают», – рассказывал Хаберландт. Однако она была блестящей студенткой. «Если она что-то отвечала, – вспоминал её одноклассник Франк Мешкальски, – то казалось, будто они с преподавателем говорят на каком-то своём языке, чуждом для остальных. Складывалось ощущение, будто у неё в мозге есть какие-то дополнительные извилины».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.